

© 1997 г.

А. ТИМБЕРЛЕЙК

АУГМЕНТ ИМПЕРФЕКТА В ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Столетие назад Н.П. Некрасов отметил, что имперфект в древнерусском отличается от имперфекта в старославянском "нередким употреблением суффикса -тъ" [Некрасов 1897: 156] в 3 лице ед. и мн. числа, и затем привел обширный список форм с аугментом в Повести временных лет по Лаврентьевской летописи [там же: 159]. А.И. Соболевский, также отметив вариативность форм имперфекта в древнерусском, высказал мнение, что {-t'} восходит к формам настоящего времени [Соболевский, 1907/1962: 160–161]. С этого времени аугмент регулярно упоминается в пособиях по древнерусскому языку [Черных 1962: § 101; Борковский и Кузнецов 1965: 272; Иванов 1982: 69, 84; 1995: 430], которые, как правило, ограничиваются указаниями о существовании параллельных форм имперфекта и общими сведениями о частоте форм с аугментом. Такие обобщения, уместные в учебниках – особенно если иметь в виду, что употребление разнится в зависимости от времени и типа текста – наводят тем не менее на мысль, что данные формы заслуживают более пристального внимания.

Для анализа дистрибуции {-t'} (нормализованная запись, с помощью которой мы передаем написания "тъ" и "т") и изменений, которые эта дистрибуция претерпевает, представляется целесообразным проследить развитие этого явления в Лаврентьевской летописи (далее – "Лавр.") – несмотря на опасность приписать чрезмерную важность одному частному тексту. С этой целью текст Лавр. можно разделить на следующие пять фрагментов: Сегмент А – Повесть временных лет; Сегмент В – от Повести временных лет (ПВЛ) в редакции Лавр. вплоть до начала первого Владимирского свода в 1177 г. или, как предполагает Шахматов, которому мы и будем следовать, до слова *аиниъ* в середине статьи 1185 г.¹; Сегмент С, охватывающий текст этого свода по крайней мере до смерти Константина Всеволодовича под 1218 г.; Сегмент D, с начала 1220-х по крайней мере до 1239 (точная граница не существенна, поскольку с 1240 по 1261 гг. интересующие нас примеры отсутствуют); и наконец Сегмент E, включающий лишь две пространные статьи под 1262 и 1263 гг. (рукопись дефектна на отрезке с 1263 по 1283 и с 1287 по 1294 гг.). Обращение к сравнительно большим фрагментам целесообразно, поскольку позволяет выявить закономерности употребления; сверх того, однако, выбранные границы, отчасти соответствующие границам сводов, отмечают смену лингвистических параметров.

¹Предложенная М.Д. Приселковым датировка 1177 г. [Приселков 1940:64–78] принимается исследователями преимущественно перед датировкой А.А. Шахматова [Шахматов 1938], называвшего 1185 г. Шахматовская датировка получает некоторое подтверждение в истории {-t'}. В промежутке между 1177 и 1185 гг. {-t'} употребляется лишь один раз (под 1181 г.), но в предложении, содержащем же (*дръжна же Всеволожа хотахутъ крѣпко ѣхати на Стѣслава*); этот контекст характерен для Сегмента В, но не для Сегмента С. Непосредственно после 1185 г., в статье 1186 г., {-t'} перед энклитической частицей отсутствует (*изнемагаху же людѣ в градѣ безводьемъ*); то же самое в статье 1187 г. (*не бѣше бо ни единого же двора безъ болаго*), в то время как для Сегмента В {-t'} в данном окружении является почти автоматическим. По существу, впрочем, выбор между 1177 и 1185 гг. почти никак не влияет на предлагаемый анализ.

Среди выделенных сегментов наиболее проблематичен Сегмент С². Его нижняя граница совпадает с началом первого Владимирского свода в 1185 г. (или 1177?), он охватывает 1193 г., к которому А.А. Шахматов относит начало второго Владимирского свода, и продолжается вплоть до (приблизительно) 1212 г., времени составления, по случаю смерти Всеволода, еще одного Владимирского свода. После смерти Всеволода традиция, по мысли Шахматова, расходится по трем разным направлениям, каждое из которых соотносится с одним из Всеволодовичей и городом, которым он владеет: одно – с Юрием и Владимиром, второе – с Константином и Ростовым, третье – с Ярославом и Переяславом³. Ростовская традиция особенно ясно просматривается вплоть до смерти Константина Всеволодовича, но заметна и позднее в продолжающемся интересе к Константиновичам и ростовским церковным событиям. Поскольку Московский свод 1479 г. содержит обширные записи, относящиеся к владимирским делам, подтверждается существование самостоятельного и непрерывного владимирского летописания, отразившегося в сокращенном виде в Лавр. [Насонов 1969:201–225]. Третья традиция, традиция Переяславля и Ярославля, хорошо представлена особой летописью, Летописцем Переяславля Суздальского, однако определенное внимание Ярославу уделяет и Лавр. (как в положительном, так и в отрицательном ключе), сообщая о его семейных делах, военных подвигах, равно как и о его греховных деяниях (его ссора с Юрием в 1229 г., обращение с владыкой Кириллом в том же 1229, ссора с Михаилом в 1230 г.).

Вопрос о том, каким образом в Лавр. возникает то специфическое сочетание пристрастий, которое наблюдается "на пространстве от 1193 г. и до 1239 г." [Приселков 1940:87–96]"⁴, остается открытым. Существует, однако, иной, более филологический по природе подход к изучению состава данного текста⁵. Языковой узус в статьях с 1206 по 1218 г. отличается по ряду признаков от узуса с 1223 по 1239 г. Если рассматривать не только консонантный аугмент, употребление которого меняется при переходе от первого интервала ко второму, можно отметить, что писец, который в рассказе под 1230 г. два раза подчеркнуто ссылается на очевидцев, тождествен скорее всего писцу, который, заботясь о достоверности, упоминает о своем присутствии на месте действия под 1227 г.: *приключисѧ и мѣ грѣшному тѹ быти*. Под 1226 г. употребляется та же самая конструкция (*приключисѧ тѹ быти присланѹ Володѣмерѹ Рюриковичѹ митрополитѹ Кирилѹ*). Под 1223 г., когда говорится о реакции Василько на *приключышеся в Рѹси <6731>*, вновь появляется тот же самый глагол. (Ранее, напротив, Константин торопится назад в Ростов, услышав *бѣдѹ створшуюся <6719>*.) Заимствование, обозначающее воздух, под 1223 г. (*тако и птица по аерѹ не вѣ азѣ лѣтати*) предвосхищает слово, употребленное под 1231 г. в похвале епископу Кириллу (*да и азъ аерьскѣ дѣмѣ нахоженъ извѣгнѹ*)⁶. Таким образом, можно говорить о комплексе фразеологии, объединяющем период с 1223 г. по 1230-е годы⁷.

Наряду с особенностями фразеологии выделяются и особенности грамматические. Вплоть до 1218 г. обычная форма беспредложного генетива от *днь* – *дне* (3xx 1206,

²"Лаврентьевская летопись на пространстве от 1193 г. и до 1239 г. – едва ли не труднейшая для анализа часть этой летописи" [Приселков 1940: 87].

³"Итак, мы теоретически приходим к необходимости предполагать одновременное существование трех летописей в Суздальской области первой четверти XIII столетия – Владимирской, Ростовской и Переяславской" [Шахматов 1902:68].

⁴А.Н. Насонов не верит, ссылаясь на порицание Ярославу под 1229 г., что к 1239 г., страсти могли достаточно утихнуть, чтобы мог быть составлен свод, воздающий Ярославу должное, и поэтому относит соединение традиций к Тверскому своду 1281 г. (Насонов 1969:193–198).

⁵Изыщную модель использования филологических данных для установления сегментации текста см. в работе [Гиппиус 1997].

⁶Фраза из слегка переработанного пассажа из предисловия к Апостолу 1220 г., которое в свою очередь представляет собой перевод греческого предисловия к Посланиям апостола Павла [Насонов 1969:125–27].

⁷Более подробно см. [Timberlake 1998] (в печати).

2хх 1207, 1218, хотя дни под 1206); позднее употребляется форма дни (1229, 2х 1230, 1231)⁸. В ранний период (1209, 1210, 1213, 1214, 2хх 1218, 1219) о присвоении имени говорится в действительном залоге. Такое употребление продолжается вплоть до 1219 г. – родиса Грославу снѣ и нарекоша имя кмѣ Феодоръ <6727> – а если считать форму 3 лица ед. числа нарѣ при наименовании города, то и до 1221 г. В поздний период (1227, 1228, 1229, 1231) употребляется страдательный залог: родиса Гюргю князю дщи и нарѣ бы в стѣмъ крщньн Феодора <6736>.

Различия в употреблении связаны скорее с хронологией, нежели с различными традициями. Среди записей, симпатизирующих Юрию, до 1218 г. находим действительный залог в родиса снѣ Гевгю князю [...] а в стѣмъ крщньн нарекоша имя кмѣ Дмитрии <6721>, но под 1228 г. о крещении дочери Юрия говорится в страдательном залоге (как и выше: нарѣ бы). В ранней ростовской записи обнаруживаем родиса снѣ Костантинѣ Володимерь а в стѣмъ крщньн нарекоша имя кмѣ Дмитрии <6722> с формой действительного залога, тогда как в позднем (1229 г.) рассказе о преследованиях, которым Ярослав подверг ростовского епископа Кирилла употребляется страдательный залог (он же все в тѣхъ вздасть Бви хвалу• пострижеса [...] и нарѣно бы имя кмѣ Кырьакъ). Таким образом, употребление зависит от периода, а не от традиции или города, о котором говорится в статье.

Указанные различия в грамматике и фразеологии предполагают границу, проходящую около 1222 г. и отделяющую Сегмент С от Сегмента D⁹. Возможно, что эта граница соответствует Ростовскому своду, составленному по случаю смерти Константина, однако это не принципиально.

При исследовании закономерностей употребления {-t'} в ранний период целесообразно следовать правилу, согласно которому {-t'} реконструируется в определенном контексте Сегмента А, т.е. ПВЛ, только в том случае, если он засвидетельствован и в Лавр. и в Ипатьевском (далее – Ипат.) списках¹⁰. Отсюда следует, что фрагменты, отсутствующие в одном из списков, из рассмотрения исключаются; из наиболее важных таких фрагментов укажем на лаку в Лавр. с 898 по 921 г. Данные Радзивилловской (далее – Радз.) и Академической летописей менее надежны, не только потому что они относятся к более позднему времени, но и потому, что, любопытным образом, употребление {-t'} в них, как кажется, было подвергнуто редукции. Данные новгородской традиции (Комиссионный список Новгородской первой летописи) отстоят от ПВЛ хронологически и к тому же являются частичными (поскольку в Новг. К. имеются лишь те фрагменты ПВЛ, которые наличествовали в Начальном своде 1095 г.)¹¹. Из рассмотрения исключаются также те случаи, когда в Лавр. неправильно определено грамматическое значение формы: при смешении -ше и -ще (Лавр. хулаше <6495>, но Ипат., Радз. -ше при согласовании по мн. числу, Лавр. сѣдѣше <доанналистическая часть>, но Ипат., Радз. -ше при согласовании по ед. числу) или аориста на -ша и имперфекта на -ше (Лавр. имаша <6391>, но Ипат., Радз. -ше). Представляется оправданным, напротив, включать в анализируемый корпус примеры, в которых Лавр. и Ипат. дают разные словообразовательные формы глагола (Лавр. погнаше <6607>, Ипат. гнаше) или даже различные, но синонимические глаголы (Лавр. призываху брата, Ипат. приводяху брата <6582>).

⁸ Форма дне сохраняется в устойчивых предложных сочетаниях ѿ дне стѣ оца Феодѣа <6738>; еже ѣ и до сего дне . днь ѿ дне начинаа <6739>, ср. однако: до Борнша днѣ <6736>.

⁹Э. Кленин отмечает разрывы в употреблении род.=вин. местоимений, характеризующие этот период: его в последний раз встречается в 1197 г. и затем вновь появляется в 1229, форма мн. числа нхъ, засвидетельствованная под 1207 г., вновь исчезает вплоть до 1223 г. [Klenin 1983:42–46].

¹⁰Сопоставление лингвистических особенностей ПВЛ и Ипат. после 1111 г. требует отдельного исследования.

¹¹Цитаты из: [ПСРЛ I 1962; ПСРЛ 2.1 1925; ПСРЛ 38; Новг. К. 1950].

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(1)	6370	снѣ во сѧ звѣхѣтъ и варѣзи сѣтъ	?	?	*	—	*
(2)	6449	изимахѣтъ	t	*	*	—	*
(3)	6449	шпакн рѣцѣ съвѣзѣвахѣтъ	t	—	*	—	*
(4)	6463	ѡкоже во Шльга часто гашѣтъ	t	*	*	*	*
(5)	6504	начьнахѣтъ роптати на кнѣзь	t	*	*	—	*
(6)	6611	Рѣсснѣ же кнѣзи и вои вси молахѣтъ Ба	t	*	*	—	*

* = глагол употреблен без {-t'}, t = глагол употреблен с {-t'}, — = нет соответствующего контекста (форма отсутствует, изменена и т.д.), (?) = гипотетическая оценка, хх = вариант, [хх] = отсутствующая в варианте морфема

В ПВЛ {-t'} появляется достаточно редко. Когда же аугмент появляется, он появляется в специфическом контексте. Чтобы установить это, рассмотрим сначала случаи, когда {-t'} употребляется вне специфических контекстов, стимулирующих употребление {-t'} (они будут анализироваться ниже), т.е., иными словами, в немаркированном контексте. В немаркированном контексте в ПВЛ встречается более 500 форм имперфекта. Те, у которых отсутствует {-t'} в Лавр. — подавляющее большинство — предполагают, что {-t'} не было и в ПВЛ, даже если в некоторых из примеров {-t'} в Ипат. имеется. Остаются, таким образом, лишь примеры с {-t'} в Лавр., которые могут претендовать на место в реконструируемом тексте ПВЛ. Они приводятся в Таблице 1, и при этом указывается, имеется ли в них {-t'} (t), или {-t'} отсутствует (*), или список в данном месте дефектен, неоднозначен или подвергся изменению (—).

Задача состоит в том, чтобы установить, должны ли данные примеры реконструироваться с {-t'} в гипотетическом прототексте, обозначенном в таблице как *ПВЛ. Четвертый, пятый и шестой примеры отпадают, так как {-t'} отсутствует в Ипат.: глѣше; егда же подопѣхѣтъся и начахѣ роптати¹²; молахѣ¹³.

Первый пример очевидно является результатом испорченного чтения (в Ипат. данное место также подверглось изменению: была опущена возвратная частица и переименован падеж существительного — снѣ во звѣхѣтъ ты ваѣгы Рѣсь). Написав слова слитно, можно представить себе, что исходной была графическая последовательность -хѣти, соответствовавшая морфологической последовательности {xut|il}, содержавшей границу (|) между словами. Эта графическая последовательность могла быть реинтерпретирована как представляющая морфологическую цепочку {xut|il}, т.е. имперфект с аугментом, за которым следует союз и, а это в свою очередь привело к следующей замене — рѣсь (как в Ипат.) на сѣтъ. Исходный текст может быть восстановлен как *зѣвахѣ ти¹⁴.

Второй и третий примеры появляются внутри одной нарративной последовательности: нѣже ѡише шѣѣхѣ растинахѣ• дръгнѣ акн странѣ поставѣюще• и стрѣлахѣ въ нѣ• изимахѣтъ шпакн рѣцѣ съвѣзѣвахѣтъ• гвозди желѣзными посреди главы вѣбѣвахѣтъ нѣхѣ. В конце этого пассажа имеется и еще одна несообразность —

¹²Шахматов, игнорируя отсутствие {-t'} в Ипат., реконструирует начьнахѣтъ [Шахматов 1916:160].

¹³Шахматов, игнорируя отсутствие {-t'} в Ипат., реконструирует .молахѣтъ [Шахматов 1916:324].

¹⁴Так у Шахматова [1916]. Сходная эмендация в [ПСРЛ 1846]: снѣ во сѧ звѣхѣ ты Варязи Рѣсь.

{-t' } перед местоимениями в ПВЛ

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(1)	—	и възлѣжахѹтъ и	t	возложатъ	-хѹ [tt]	—	*(?)
				[tt]			
(2)	6463	и ѹчашеть и	t	-шетъ его	t	*	t
(3)	6476	и мнѣхѹтъ и своего	t	t	-хѹтъ [tt]	—	t
(4)	6527	и несѣхѹтъ и	t	t	t	—	t
(5)	6574	чтѣшеть и Ростиславъ	t	*	*	-ше его	*
(6)	6582	и ѹзрѣше и	*	*	*	—	*
(7)	6582	вѣнчаше и вѣнчѣ	*	-ше [tt]	-ше [tt]	—	*
(8)	6582	спрашашеть и	t	t	-ше [tt]	—	t
(9)	6582	привлечѣхѹтъ и	t	-хѹтъ его	-хѹ его	—	t
(10)	6582	и посажашеть и	t	*	-хѹ [tt]	—	*
(11)	6582	[с]трашѣхѹтъ и въ вѣрѣхѣ мѣдѣхѣ	t	t	-хѹ [tt]	—	t

употребление {-t' } с глаголом, стоящим перед местоимением **нхѹ** вместо **имѣ** (как в Радз.). Текст представляет собой явную цитату из Георгия Амартола (в силу чего он и отсутствует в Начальном своде и, соответственно, в I Новг. К.); там текст читается (по позднему списку): **нхѹ* ѡмше плѣнники, вѣѣхѣ растинахѹ, нны же к землѣ прѣсѣкнѣвахѹ, дроу҃гѣа же тако стража поставляюще стрѣлами стрѣлахѹ. ѡлико ратноу҃ чиноу҃ изѣмѣлахѹ, ѡпако роу҃цѣ свѣзавше, гвозди желѣзны посрѣдѣ главы вѣнѣвахѹ имѣ**¹⁵. Исходный текст ПВЛ должен был быть близок к данному, что подтверждается сопоставлением с Ипат.: **нхѹ же ѡмше вѣѣхѣ растинахѹ. и дроу҃гѣа же сторожи поставляюще стрѣлами растрѣлахѹ. и изѣламѣхѹ ѡпаки роу҃цѣ свѣзавше и гвозды желѣзны посрѣдѣ головѣ вѣнѣвахѹтъ имѣ**. На основании данных Амартола и Ипат. {-t' } в двух данных примерах восстанавливать для исходного текста ПВЛ не следует.

Когда шесть перечисленных примеров {-t' } в Лавр. устранены в качестве ненадежных, в ПВЛ не остается ни одного примера с {-t' } в немаркированном контексте. Установив это, нельзя не поразиться, сколь немногочисленны примеры (всего шесть) с {-t' } в немаркированном контексте, которыми был поновлен Лавр. список ПВЛ. Мы с необходимостью приходим к заключению, что, учитывая все факторы, передача рассматриваемой особенности в данной части Лавр. традиции остается при всех многочисленных редакционных наслоениях на редкости консервативной и сохраняющей верность оригиналу. Во всяком случае не предпринималось никакой попытки распространить позднейшую закономерность употребления на воспроизводимую часть Лавр. (ПВЛ).

Теперь мы можем рассмотреть три четко определенных контекста, в которых {-t' } в ПВЛ появляется с более выраженной частотой, начав это рассмотрение с позиции перед местоимениями. Для наглядности данные по местоимениям разбиты на две группы. Следует отметить, что при переработке местоимения и энклитики часто устраняются или, напротив, вносятся в текст, особенно в Радз.

Данные Таблицы 2 иллюстрируют тот единственный контекст, в котором {-t' } в ПВЛ употребляется действительно часто. Прилагая обсуждавшийся выше принцип реконструкции, мы не будем реконструировать {-t' } в **чтѣшеть и Ростиславъ**, по-

¹⁵[ПСРЛ 1846:246; Шахматов 1916:48]. Этот текст (Ватиканский список) цитируется по [Истрин 1920:567].

{-t'} перед местоимениями в ПВЛ

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(12)	6494	и ведаше ꙗ Гдѣ	*	*	*	*	*
(13)	6494	предашеть ꙗ	t	t	*	[ꙗ]	t
(14)	6599	и учашеть ꙗ	t	t	t	—	t
(15)	6605	чтѣшеть ю аки мѣрь	t	-шеть во ю	t	—	t(?)
(16)	6599	оудержашеть мало ѹжасть	t	t	t	—	t
(17)	6494	и поминашеть ѿ	t	t	*	*	t
(18)	6494	егда избавашеть ихъ	t	—	t	*	t(?)
(19)	6618	то се не столпъ водаше ихъ	*	*	*	—	*
(20)	6449	въвѣвахутъ ихъ	t	-хутъ има	-хутъ имъ	—	t(?)
(21)	6453	насилаше имъ	*	*	*	*	*
(22)	6488	жрѣху имъ	*	*	*	*	*
(23)	6488	жрѣху ему	*	t	*	*	*
(24)	6491	и се вѣшеть ему аки тернъ въ сѣци	t	*	t	-шеть [ему] аки	*
(25)	6494	сложаше ихъ	*	*	*	*	*
(26)	6494	послушаху его	*	*	*	*	*
(27)	6494	и насладоху имъ	*	t	t	*	*
(28)	6494	оубладоху ими	*	*	*	t	*
(29)	6494	показываше ему	*	—	*	*	*
(30)	6582	и подаваше ему	*	—	*	—	*
(31)	6582	и не възмаше кого	*	*	*	—	*
(32)	6582	пакости дѣлаху ему	*	—	*	—	*
(33)	6608	не припустаху кого	*	*	*	—	*
(34)	6449	жежаху насъ	*	*	жгуть	—	*
(35)	6496	еже сужаху мнѣ	*	*	*	*	*
(36)	6601	подаваше намъ	*	-ше во намъ	*	—	*

сколько Ипат. показывает форму без {-t'}, однако мы реконструируем в исходном тексте *ПВЛ {-t'} в и учашеть и мѣри крѣти^{ТН}сѣ <6463>, поскольку {-t'} имеется и в Ипат. и в Лавр. (с очевидной заменой и на его в Ипат.). При такой реконструкции оказывается, что {-t'} встречается как в Лавр., так и в Ипат., а следовательно, и в *ПВЛ, в половине (6/11хх) примеров с исходным и. Если даже совпадение форм в Лавр. и Ипат. является результатом параллельной инновации (возможность, которую никогда не следует исключать), данные формы указывают на тот контекст, в котором первоначально должен был развиваться {-t'}. К вопросу о причинах мы вернемся ниже.

Утвердившись в позиции перед и, {-t'} мог быть легко обобщен на позиции перед другими местоимениями (Таблица 3).

Местоимения разбиты здесь на подгруппы; полученные таким образом разряды слишком малы, чтобы сообщить статистически значимые данные, однако они показательны для уяснения диахронического развития. Оставляя в стороне единственный, хотя и интригующий пример энклитики 1 лица [(16)], можно заметить, что в трех или четырех случаях {-t'} употребляется с другими местоимениями в аккузативе (строки

{-t'} перед во, же в ПВЛ

	Год	Текст Лавр.	Лавр.	Ипат.	Радз.	Новг.	*ПВЛ
(1)	—	имаху же по двѣ и по три жены	*	t	t	—	*
(2)	—	имаху во обычан свои	*	t	t	—	*
(3)	—	сѣдаху во по Днѣстру или до морѣ	*	*	*	—	*
(4)	6406	сѣдаху во ту преже словѣни	*	*	*	—	*
(5)	6453	баше во твои мужь	*	t	{eo}	*	*
(6)	6454	вѣдѣху во	*	*	*	—	*
(7)	6463	живаше же Ольга	*	*	*	—	*
(8)	6463	подражаху же .мон шемиченыа	*	*	t	{je}	*
(9)	6479	имашеть же и за оубѣнѣа	t	t	*	—	t
(10)	6491	Баху во тогда члвци невѣголови и поганин	*	*	*	*	*
(11)	6491	не терпашеть во дѣволѣ	t	*	*	t	*
(12)	6494	вѣдаше во Богъ	*	*	*	—	*
(13)	6522	хоташеть во на Юрослава ити	t	*	*	t	*
(14)	6573	башеть во сице налици кмѣ	t	*	*	—	*
(15)	6573	ѡторваху во са на землю	*	*	*	t	*
(16)	6579	гѣшеть во	t	*	*	t	*
(17)	6579	гѣшеть во	t	t	*	{eo}	t
(18)	6582	приносають же кмѣ	t	*	принося	—	*
(19)	6582	гѣшеть во къ нимѣ	t	t	*	—	t
(20)	6618	водашеть во па въ днѣ столбѣ шемиченѣ	t	t	*	—	t
(21)	—	Оуличн Тиверци сѣдаху во по Днѣстру	*	{eo}	{eo}	—	—
(22)	6476	изнемогаху же людѣ	*	{je}	{je}	{je}	—
(23)	6494	творашѣ [sic] во кумиры	—	*	t	*	—
(24)	6504	живаше же Володимеръ в страстѣ вѣнн	*	{je}	{je}	{je}	—
(25)	6605	глаголаху во	*	{eo}	—	—	—

12–15) и в одном (а возможно, и в двух) случае из трех перед местоимением в вин.=род. ихъ (хотя отсутствие {-t'} в Новг. К. в обоих примерах из статьи под 986 (6494) г. делает реконструкцию не совсем достоверной). Перед прочими местоимениями {-t'} для *ПВЛ реконструировано быть не может (в соответствии со строгими правилами реконструкции), хотя порою и появляется во вторичных текстах.

Второй контекст, в котором {-t'} в Лавр. появляется с определенной частотой, — это последовательность, в которой глагол стоит непосредственно перед фразовыми клитиками во и же (см. Таблицу 4).

Сразу же можно отметить, что во многих случаях {-t'} в Лавр. не находит поддержки в Ипат. (Следует добавить, что энклитические частицы нестабильны; пять потенциальных примеров — второй блок в таблице — устраниаются, поскольку в Ипат. частица отсутствует.) При всем том {-t'} перед этими частицами употребляется с определенной частотой ($4/20\text{xx} = 20\%$), существенно чаще, чем в немаркированном контексте (ни одного примера), хотя и реже, чем в позиции перед местоимением и. Можно представить себе, конечно, что эти четыре примера, как скажем, имашеть же

и за оубъенѣа <6479>, представляют собой параллельные, независимые друг от друга инновации в Лавр. и Ипат. В любом случае частота {-t'} в 20% в положении перед фразовыми энклитиками в Лавр. указывает, что в данном контексте {-t'} сделалось продуктивным относительно рано.

Далее, {-t'} occasionally появляется в позиции перед возвратным местоимением сѧ. Употребление {-t'} в контексте возвратности с раннего времени соотносится с семантикой возвратного глагола. Аугмент, как правило, не употребляется, когда показатель возвратности имеет усилительное значение (а основной глагол не обладает полной транзитивностью). С такими глаголами аугмент употреблен лишь в одном случае из 25 (= 4%), совпадающих в Лавр. и Ипат., а именно: **ѧко трудѧшетсѧ** <6582>; более обычны формы **плакахусѧ** (2хх), **радовашесѧ** (6хх), **кланѧхусѧ** (4хх). Напротив, аугмент появляется довольно часто (5/21хх = 24%) с глаголами, в которых показатель возвратности превращает переходный глагол в непереходный. Один из подтипов состоит из глаголов, в которых субъект возвратного глагола соответствует объекту переходного (основного) глагола (**възвращаетсѧ Къевѹ** <6504>; **егда же подѣпяхутсѧ** <6504>; и **сѧ премѣнашетсѧ ѡво старѣ ѡво молодѣ ѡво ли їного премѣнаше во иного Обрѧ** <6579> – в последнем примере имеет место вариация между возвратным и невозвратным глаголом). Другой подтип состоит из глаголов, в которых показатель возвратности указывает на взаимность действия. В рассматриваемом слое единственным примером является здесь **н борашетсѧ с нима крѣпко** <6605>, однако позднее **быхутсѧ** делается практически идиоматическим "глаголом борения". Можно предположить, что показатель возвратности имеет более идиосинкретический характер – формально и семантически – у первой группы (интенсивные глаголы), нежели у второй (детранзитивизирующая возвратность)¹⁶.

Итак, по приведенным данным устанавливается, что {-t'} в ПВЛ употребляется в нескольких четко определенных контекстах: перед энклитическим объектным местоимением (единственный контекст, в котором {-t'} встречается более, чем в половине случаев), с меньшей последовательностью перед возвратным местоимением и непосредственно перед частицами **во, же**. Аугмент не употребляется в других контекстах.

Сама скудость примеров с {-t'} в ПВЛ может рассматриваться как благоприятное обстоятельство, поскольку это позволяет нам сформулировать гипотезу о происхождении {-t'}. Если статистическое распределение на этом раннем этапе отражает последовательность изменения (допущение хотя и не абсолютно бесспорное, но все же естественное), можно установить первоначальный локус, откуда распространяется инновация, предположить, каковы были ее причины и построить вероятную картину развития этого процесса во времени.

Интуиция, скорее всего, не подвела Соболевского, когда он писал о {-t'}, что оно, "без сомнения, перешло в формы имперфекта с форм наст. вр." [Соболевский 1907/1962: 160]. Имперфект семантически близок настоящему (имперфект это прошлое настоящего), и вариация между {-t'} и отсутствием {-t'} в настоящем времени предполагает возможность новых вариантных окончаний {-šet'} и {-xut'} в имперфекте¹⁷. Они, естественно, не были обобщены сразу же, но появлялись в имперфекте

¹⁶ Проводимое различие сходно (хотя, возможно, и не тождественно во всех деталях) с противопоставлением между "общевозвратным залогом", и специально "подгруппой Б", и другими типами возвратных глаголов ("взаимно-возвратный подзалог", "возвратно-пассивное значение" и "возвратно-страдательное значение") [Зарицкий 1961].

¹⁷ История {-t'} в наст. времени затрагивает более глубокие хронологические пласты и представляется более сложной, чем история {-t'} в имперфекте, поскольку в восточнославянском формы наст. времени имеют три варианта: {-t'} (южный восточнославянский), {-t} (северно-русский, напоминающий -тъ в старославянском), и отсутствие {-t'} (первоначально по крайней мере в новгородском диалекте).

Было бы, пожалуй, неоправданным ожидать, что параметры вариации {-t'} в наст. времени будут в точности соответствовать аналогичным параметрам в имперфекте – в рамках одного регистра пись-

в соответствии с определенным системным принципом, вполне вероятно, в соответствии с общими принципами сандхи, понимая под этим всякое чередование (будь оно автоматическим или неавтоматическим), возникающее на стыке слов¹⁸. Явления сандхи обычно зависят от фонотактических ограничений, в особенности от основополагающего чередования гласных и согласных; здесь действует иерархия, определяющая наиболее предпочтительные последовательности (в порядке убывания предпочтительности): $[V|C] > [C|V] > [V|V] > [C|C]$ (где $|$ – это стык единиц, затрагиваемых сандхи). Указания на подобную предпочтительность могут быть обнаружены во многих языках. В английском, например, $[d]$ регулярно утрачивается после $[n]$ в конце слова, когда следующее слово начинается с согласной (ср.: *my friend came* с $[nk]$), однако обычно сохраняется перед последующей гласной (ср.: *my friend arrived* с $[ndə]$); подобные предпочтения соответствуют принципу, по которому $[C|C]$ представляет собой менее приемлемую фонотактическую последовательность, нежели $[C|V]$.

Менее автоматическое чередование, дающее в силу этого более интересный аналог, находим в употреблении связующего $/t/$ в диалектах американского английского в Новой Англии¹⁹. В тех диалектах, которые утратили поствокальное $/t/$ (*four* $[foə]$, *father* $[faðə]$), $/t/$ может появиться вновь "если за соответствующим словом следует без паузы другое слово, начинающееся с гласной"; подчеркнем важность фонотактического ограничения. В некоторых из данных диалектов (например, в Бостоне) $/t/$ в результате экстраполяции может появляться даже в исходе слов, которые никогда на $/t/$ не кончались, классическими примерами являются *law and order* $[lɔrəndɔdə]$, *ma and pa* $[mɑrəp(d)pa]$. Это обобщение связующего $/t/$ возможно, только если следующее слово начинается с гласной, как в *give Gloria a present* $[ərə]$, когда $[V|V]$ превращается в $[VC|V]$, но невозможно перед следующим согласным, как в *gave Gloria the paint box*

менности и в тот же самый временной период, – или, вообще, что развитие вариативности в этих двух случаях будет тождественным.

И тем не менее возможно, что определенные типологические сходства в двух моделях вариации все же были. Для новгородских берестяных грамот А.А. Зализняк отмечает, что $\{-t'\}$, как правило, отсутствует в 3 лице наст. времени, однако: "Если непосредственно после глагольной словоформы стоит *сѧ* (*се*) или другие энклитики, $-t'$ всегда сохраняется: творѧтсѧ 500 (XII₂), оуѣрекуваѧтсѧ 600 (XII/XIII), [не ос]танѣть ти сѧ 150 (XII/XIII)" [Зализняк 1986: 143]. В последнем примере находим энклитику, отличную от возвратного местоимения. Таким образом, в презенсе, точно так же как в имперфекте, энклитики благоприятствуют $\{-t'\}$.

Твердое северное $\{-t\}$ также может быть связанным явлением. Некоторые заставляющие задуматься данные приводит А.А. Шахматов в своем исследовании двинских грамот [Шахматов 1903]. О вариации $\{-t'\}$ и $\{-t\}$ говорится только по поводу одной грамоты [там же: 95–96]. При ближайшем рассмотрении этой грамоты (№ 9) оказывается, что $-t'$ [t'] появляется перед гласной ([там же: 13–14]: а нѣвосхотѣть нгүмѣнь савастѣанъ), сонорным ([там же: 15–16]: дадүть мон племеньники; [там же 25–26]: понѣть рүднѣти) и в конце фразы ([там же: 19]: то же дадүть), тогда как $-t$ [t] стоит перед дентальными согласными ([там же: 26]: сүднѣтсѧ; [там же: 19–20]: нѧн чѣ[р]нѣци восхотѣатъ то же дадүть – правда, в последнем примере восхотѣатъ, в конце придаточного, может не принадлежать той же фонологической фразе, что и то же дадүть). Аналогичным образом (хотя и применительно к другому типу языка) Н.П. Некрасов приводит семь примеров из ПВЛ, в которых $\{-t'\}$ в наст. времени пишется с твердым t , во всех семи случаях за глаголом следует энклитика, например: даѣт ми; погүвнѣт нѣи; подвижѣтсѧ [Некрасов 1897: 151].

Хотя примеры кажутся случайными, они все же указывают на возможное объяснение. Возможно, на севере (по крайней мере, в Новгороде) $\{-t'\}$ появлялось в позиции перед энклитиками. Судя по рассмотренным данным, аугмент должен был отвердеть перед согласным следующей за ним энклитики, т.е. в том контексте, где $\{-t'\}$ встречался регулярно ("всегда сохраняется"!)." При обобщении аугмента на другие контексты ("в поздних грамотах (XIII–XV) доля примеров с $-t'$ несколько возрастает" [Зализняк 1986: 143]) он мог переходить в них уже в отвердевшем виде, т.е. в форме основной для данного диалекта. Напротив, в южном восточнославянском аугмент либо развивался раньше, либо употреблялся во всех позициях (включая позицию не перед энклитиками) и в силу этого сохранил основную для себя мягкую форму.

¹⁸ О сандхи см. [Andersen H. 1986].

¹⁹ Материал взят из [Kurath, McDavid 1961: 171–172].

[əðə], не *[əðə] – [V|C] не заменяется на *[VC|C]. Далее, связующее /г/ обычно не составляется на стыке морфем внутри слова (*sawing* [sqŋ], не *[sqŋ]). Таким образом, сандхи этого рода основано на определенном балансе между слитностью и независимостью двух элементов: результат отсутствует, когда две морфемы слишком тесно связаны (внутри слова) или когда они слишком отделены друг от друга (когда между ними имеется пауза). Учитывая этот типологический фон, можно предположить, что развитие {-t'} подобным же образом зависело от принципов сандхи.

Для того чтобы возник эффект сандхи, следующая морфема – когда мы имеем дело с аугментом имперфекта, местоимение и – должна принадлежать тому же фонетическому сегменту. Это, естественно, случается, когда местоимение присоединяется к глаголу как энклитика²⁰. Хорошо известно, что в древнерусском имелся ряд клитик, которые, как правило, подчинялись закону Вакернагеля; иными словами, они располагались после первого слова фразы (или, в ином ракурсе, именно находясь в данной позиции, слово могло присоединять клитики) [Wackernagel 1892]²¹. В новгородских берестяных грамотах клитики, подчиняющиеся закону Вакернагеля, включают частицы (во, же), местоимения (та, ма) и вспомогательные глаголы. Ср. примеры вспомогательных глаголов, употребленных как клитики: коупилъ еси робоу Пльскове; что ѿси далъ намъ а клѹцка; цемѹ ма еси погѹбилъ (в последнем примере рекурсивно после местоименной клитики) [Зализняк 1986: 155–156].

Нечто аналогичное следует предполагать и для языка летописей. Несмотря на то что эти тексты создавались в письменной форме, писцы должны были располагать составляющие в определенном линейном порядке, и они при этом расставляли лингвистические элементы так, как будто текст был устным (можно предположить, в самом деле, существование устной формы данного литературного языка). В частности, позиция во фразе ряда элементов была четко фиксированной. В этом плане допустимо говорить о "клитиках" в письменном языке летописей.

Как хорошо известно, закон Вакернагеля описывает случаи, в которых энклитика (е) находится в просодической зависимости (=) от произвольной главной составляющей (X) в начале фразы (#). Закон Вакернагеля описывает, тем самым, трафарет {#X = е} и, по рекурсии, {#{X = е₁} = е₂}. Возможно, однако, что закон Вакернагеля не является единственным способом, с помощью которого зависимые элементы могут просодически и фонетически объединяться с более автономными словами. Энклитика может непосредственно следовать за основной составляющей, с которой она связана синтаксически, даже если составляющая не находится в начале фразы. Например, местоимение в дат. падеже, обозначающее принадлежность, следует за определяемым существительным в пределах сегмента именного словосочетания: союзы стоят между двумя составляющими, так что трудно сказать, является ли союз энклитикой при первой составляющей, проклитикой при второй или своего рода амбиклтикой – зависимой от обеих примыкающих составляющих. В особенности некоторые клитики (местоимения-дополнения и вспомогательные глаголы) могут в принципе стоять после (полнозначного) глагола в соответствии с трафаретом: {#XV = е}. Примеры можно обнаружить и в берестяных (а нѣне оу Даньши замлъ есмь) [Зализняк 1986: 156] и в прочих (пергаменных) грамотах (тон товаръ творилъ есмя въ нхъ городѣхъ) [там

²⁰ Можно представить себе, что единицы, релевантные для просодической организации, не совпадают с сегментами, в рамках которых имеют место иные фонологические процессы (более того, различные процессы могут оперировать на разных сегментах); тем не менее просодическая энклитика скорее будет взаимодействовать с присоединяющим ее словом, чем просодически независимый элемент.

²¹ По существу, этот закон был еще ранее сформулирован Бартоломе [Bartholomae 1886]. Применительно к древнерусскому А.А. Зализняк утверждает: "В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому (или, что то же, ко всему первичному предложению в целом), подчиняется так наз. закону Вакернагеля, а именно: все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы первичного предложения (образуя конечную часть этой тактовой группы)" [Зализняк 1995: 168].

Таким образом, клитики в древнерусском могут быть фразовыми, располагаемыми в согласии с законом Вакернагеля после первого полнозначного слова данной фразы ($\{ \#XV = e \}$), или присловными ($\{ \#XV = e \}$), располагаемыми после глагола, который может и не находиться в начальной позиции²². Когда же глагол находится в начальной позиции (как это часто случается), возникающий в результате порядок ($\{ \#V = e \}$) соответствует обоим видам клизиса.

В восточнославянском энклитика и либо начиналась с глайда [j], либо что более вероятно, этот глайд поглощался следующим за ним гласным того же места образования; т.е. и произносилось как [ji] или, скорее, как [i]. Следовательно, в условиях сандхи гласный имперфектного окончания был отделен от гласного идущего за ним местоимения в лучшем случае глайдом [j], а еще правдоподобнее, здесь образовалась последовательность двух гласных. Формы наст. времени задавали образец для флексий 3 лица, оканчивающихся на {-t'}, демонстрируя чередование вариантных флексивных форм, одна из которых имела в исходе гласный, а другая – согласный. Подражая этой особенности презенса, имперфект усваивал данную часть морфемы, чтобы отделить гласный имперфектной формы от гласного следующей морфемы. Неудобная последовательность [C₁V₁ | V₂] замещалась более естественной [C₁V₁C₂ | V₂], где C₂ = [t']²³.

²³ Вайан в духе Соболевского осторожно предположил, что колебания ("flottement") в имперфекте связаны с вариациями в презенсе. Объяснение Вайана, хотя оно и может быть оспорено в деталях – в действительности, он рассматривает только вариативность в аористе, категории, достаточно несхожей с презенсом или имперфектом [Vaillant 1966: 56] – тем не менее фактически основывается на том, что употребление аугмента связано с сандхи и принципом чередования гласного и согласного в звуковой последовательности.

76

Употребление {-t'} в Сегменте В₁₁₁₁₋₁₁₈₅

Контекст	С {-t'}	Без {-t'}	Всего	Пропорция {-t'}
перед во , же	6	1	7	86%
перед возвратным местоимением	11	5	16	69%
перед местоимением-дополнением	4	3	7	57%
в других контекстах	37	72	109	37%
после во	6	3	9	67%
после же	8	9	17	44%
после же (относит.)	2	12	14	14%
после зане	10	2	12	83%
в других случаях	11	46	57	19%
Всего (общее)	58	81	139	42%

перед *x* = непосредственно предшествуя *x*; после *x* = в той же фразе, что и *x*, но не предшествуя ему; непосредственно.

Употребляясь в позиции перед данным местоимением, {-t'} могло быть обобщено на другие контексты. Другие местоимения, как можно заключить из данных Таблицы 3, провоцируют появление {-t'} постольку, поскольку они сходны с *и*. Другие односложные местоимения в вин. падеже, начинающиеся с [j] (**па**, **ю**) не слишком отстают от *и*, если вообще отстают, и таким же образом, видимо, ведет себя **нхъ**(1?2?/3хх). В данный период, таким образом, действует дистрибутивное правило, согласно которому аугмент употребляется тогда, когда непосредственно за глаголом следует энклитическое местоимение в вин. падеже, начинающееся с гласного или глайда²⁴.

Употребляясь перед энклитическими местоимениями, {-t'} может восприниматься как своего рода связующий элемент, указывающий на (синтагматическое) присутствие последующей энклитики и не имеющий статуса самостоятельной морфемы; он одновременно разделяет и связывает. На основании своей связующей функции он может быть генерализован для контекстов с другими энклитиками, даже с такими, которые начинаются с шумного. Клизис местоимения на уровне глагольного словосочетания ({#XV = {t'} = e}, e ∈ {**и**, **па**, ...}) мотивирует употребление {-t'} с показателем возвратности ({#XV = {t'} = e}, e ∈ {**и**, **па**, **са**, ...}). Когда глагол стоит в начальной позиции, клизис местоимения удовлетворяет и закону Вакернагеля, мотивируя употребление {-t'} с другими клитиками, которые могут стоять после начального глагола, а именно с фразовыми частицами **во** и **же**. Схема {#V={t'} = e}, e ∈ {**и**, **па**, ...} мотивирует в таком случае схему {#V = {t'} = e}, e ∈ {**и**, **па**, **са**, ... **во**, **же**}. Если {-t'} обобщается подобным образом, оно больше не подчиняется принципу сандхи, благоприятствующему чередованию гласных и согласных, поскольку данные энклитики начинаются с шумных. Основанием для такой экстраполяции служит сама принадлежность мотивирующих элементов к классу энклитик.

Обобщение {-t'} на эти контексты, едва начавшееся в *ПВЛ, проявляется в полную силу в Сегменте В.

Как можно видеть из Таблицы 5, {-t'} употребляется теперь в разнообразных контекстах, и главные из них те, в которых {-t'} начало употребляться в ПВЛ. Аугмент {-t'} встречается в четырех из семи случаев, в которых местоимение-дополнение следует за глаголом, как в **и емлюще метажхътъ и в погровъ** <6649>; **а волаге оучажхътъ па** <6684>. На данном этапе ряд местоимений, которые раньше не провоциро-

²⁴ Возможно, также и с назального, как в **игда же прокопахъ шедержашеть ма оужасть** <6599>.

вали появление {-t'} (его, емү, нмъ, нма, нми), время от времени появляются с аугментом: на живого князя Мнхалка повели вхүть кго (6685), однако акоже вше нма даль (6640) (ср. заслуживающий внимания вариант Радз. – вше^т)²⁵. Аугмент часто встречается также с возвратными глаголами (11/16хх). Восемь из этих 11 примеров с {-t'} приходится на "глагол борения" вхүт(ь)сѧ. У "глаголов с усиленной возвратностью" {-t'}, как это уже намечалось и в ПВЛ, отсутствует (и жаловашесѧ на Кыяны (6655), радовахүсѧ (6657)). Один возвратный глагол (величатисѧ) встречается и с {-t'} и без него. Наиболее впечатляющее обстоятельство – это последовательное употребление аугмента {-t'} с глаголами, стоящими в начале фразы, когда за ними следуют энклитики же или во (6/7хх): вхүть во лодѣ покрытты доскми вхүть во ворци стоаще горѣ во бронѣ и стрѣляюще (6659); помагашеть же кмү и Черниговскыи еппъ. Антонию (6676). В этих контекстах, таким образом, узус Сегмента В продолжает и упрочивает дистрибутивные свойства {-t'}, начавшие складываться в ПВЛ.

В дополнение к этому {-t'} употребляется теперь в новых контекстах, представляющих собой расширение прежних. В частности, {-t'} появляется на этом этапе не только с глаголами, предшествующими во и же, но также в предложениях, содержащих эти частицы при том, что глагол не стоит в них начальной позиции непосредственно перед частицами. В этом случае наблюдаются вариации, и, как это бывает обычно, вариации обладают семантическими обертонами. У глаголов в предложениях содержащих во (мы не рассматриваем здесь случаи, когда глагол предшествует частице), {-t'} вполне обычен (6/9хх). Сочетание во и {-t'} указывает, что описываемое в этом предложении событие объясняет, как возникла какая-то иная ситуация. Так, в конце пассажа слышав же князь Глѣбъ рѣчь князю Половецкыи. въсхотѣ къ нимъ ити на снѣ. и рѣ посломъ Половецкыи. идү къ вѣ. и дүмашеть з дружиною сѧю ш томъ. г которыи поидемъ передъ. и здүмаш прѣ ити къ Переяславу. влюда Переяславѧ. кѧзь во Переяславскыи Глѣвовичъ. Володимеръ. въ то время вшеть малъ тако .бѣ.лѣ (6677), последнее предложение (кѧзь во [...] вшеть малъ) объясняет, почему Глеб принял решение отправиться в одно место, а не в другое. {-t'} не употребляется, напротив, когда предложение с во лишь привлекает внимание к важному обстоятельству, не делая из него причины другого события. Различие в функциях во наглядно видны в следующем отрывке: постигши во ночи сүботыни. вземше оружье тако звѣрье дивни. придоша идеже вѣ блжнныи князь. лежа в ложници. и силою Шлоиша двери оу сѣни. блжнныи же вскочи. и хотѣ взати мечъ. и не вѣ тү меча. вѣ во вышлѣ Айбалъ того дѣи ключни кго. то во мечъ вше стѣ Бориса (6683). Если предпоследняя фраза имеет причинное значение (объясняет, почему не оказалось меча), то последнее предложение с во и формой имперфекта без аугмента указывает, чем меч важен для повествования, но не сообщает, почему он был вынут. Таким образом, употребление {-t'} с во указывает на причину: на ситуацию (если σ_i) в универсуме повествования, которая служит предпосылкой для другой ситуации (то σ_j), так что если бы исходная ситуация была иной (если бы, напротив, имело место $\neg\sigma_i$, а не σ_i), иными были бы и последствия (то $\neg\sigma_j$, а не σ_j).

Подобный же, хотя и более слабый эффект можно наблюдать и с же. В случае же одинаково часты (8/17хх = 44%) оба варианта – с {-t'} и без него. Аугмент при же

²⁵ Единственный пример местоимения 1 лица мн. числа в дат. падеже, в подсчетах не учитывавшийся, аугмента не содержит: подоваше намъ (6693).

обычен, когда ситуация, складывающаяся для одного участника, противопоставляется (иной) ситуации, складывающейся для другого участника (для данного x_i имеет место, что $\sigma_i(x_i)$, но $\neg\sigma_j(x_i)$, тогда как для другого x_j имеет место, что $\sigma_j(x_j)$, но $\neg\sigma_i(x_j)$): по Золотъчи же внидоша въ Днѣпръ лодѣ нхъ. полци же Гюргеви идахуть по лугу. а Изяславъ идаше по внон сторонѣ Днѣпра по горѣ. а лодѣ кго по Днѣпру же (6659). (Маркировки требует только один из противопоставляемых имперфектов.) Ньюансировка может быть и более тонкой, же с аугментом {-t'} могут указывать на ситуацию, которая в определенном смысле неоднозначна, зависит от тех или иных обстоятельств: Оугри же лежахуть пьани яко мертви (6659). Здесь ситуация ($\sigma_i =$ венгры пьяны), о которой сообщается в универсуме повествования (о том, как Володимерко собирается на сражение с Мстиславом), могла бы быть иной; несомненно, что Мстислав, который был разбит Володимерко в то же утро, предпочел бы, чтобы обстоятельства сложились по-другому (желательно, чтобы было $\neg\sigma_i$). Вместе с тем частица же может выполнять и другую функцию, а именно указывать на переключение с одного участника на другого, как это неоднократно имеет место в повествовании о победе Изяслава и его венгерских союзников над Володимерко: тогда же придоста к рѣцѣ к Ганоку. Володимерко же роставалъ баше дружинну свою на бродѣхъ. [...] король же нача ставлати противу кму свои полкы на бродѣхъ же, в этот момент Володимерко пускается в бегство: вному же вѣгшу в городъ. нача молитися и просити мира. Изяслав же не хоташе дати кму мира. но послушавъ корола смириша с нѣ (6660). Аугмент здесь не появляется ни в роставалъ баше, ни в не хоташе, поскольку же только сигнализирует о смене субъекта повествования, без всякого намека на возможность альтернативной ситуации. Частое употребление же в данной функции объясняет невысокую частоту {-t'} (44%) в предложениях с же.

Хотя частота {-t'} в предложениях с же приблизительно совпадает со средней частотой {-t'} вне зависимости от контекста, {-t'} заметно меньше часто в относительных предложениях (только 2/13хх). В относительных предложениях, понятно, местоимение всегда предшествует же, не допуская, чтобы стоящий в начале глагол употреблялся с {-t'}. Эта простая дистрибутивная закономерность могла сделаться основанием для общей модели, побуждавшей избегать {-t'} в относительных предложениях: ср.: Половци же приѣхавше к нему почаша просити братѣ свое. нхже блху изымали Берендѣи (6663). У этой модели могла быть и семантическая мотивация. Относительные предложения определяют предмет или лицо, сводя предикацию к свойству. Описываемая ситуация, преобразившаяся в свойство (в только что приведенном примере лица, о которых идет речь, были захвачены в плен) трактуется как заведомо истинная, так что для модальных альтернатив места не остается.

После того как {-t'} утвердилось в последовательностях с частицами во и же в их модальных значениях – причинном и противопоставляющем альтернативные реальности, оно получило возможность употребляться в контекстах с данной семантикой, даже если в них частицы во и же эксплицитно не появлялись. Например, в Володимеръ вѣдъ на конь погна. и идахуть людк по мосту. оувити Игоря. он же не мога нхъ минути. оувороти коня направо мимо Глѣбовъ дворъ (6655) имперфект с {-t'} поясняет причину, по которой Володимер выбрал путь мимо глебова двора. Когда летописец сообщает: Мстислав же не послуша рѣчи Всеволода стрѣпа своего хоташа кму добра. но слшашеть Добрыны Долгаго. Матѣя Шибутковича. и ины злы члвкъ (6685), он, очевидно, предполагает, что имелся другой способ действия, которому Мстислав должен был бы последовать.

Связь {-t'} с причинностью кристаллизовалось в почти обязательное правило в предложениях, вводимых зане (10/12хх). Вот некоторые примеры: посла Изяславъ

сна своего Мстислава на Половци. к Песлу. зане пакостаху́ть тогда по Бѣлѣ (6661); и посла к нему́ сна своего Изяслава со всѣмъ полкомъ. н Муромская помочь с нимъ. зане пришли вѣху́ть Русскни князи. на Бѣтослава на Володимерича. н вступили н вѣху́ть во Вѣсчижи (6667). В тех, всего в двух из двенадцати, предложениях с зане, в которых аугмент отсутствует, причинное значение кажется размытым. В предложении тогѣ лѣ. вѣгнаша Ростовци. н Бѣждальци. Левна епѣа. зане ѹмѣжилъ вѣше цркъвь гравли попы (6667) говорится, что епископ был изгнан в первую очередь из-за средств, которые он употреблял (они обозначены причастием) для достижения своих целей (они обозначены аналитической временной формой с вспомогательным глаголом в имперфекте). В силу этого сам глагол в имперфекте подлинной причины падения Леона не обозначает. Аналогичным образом, в н не твердѣ вѣ кмѹ вродѣ. зане не вѣше тѹ княза. а воарина не вси слѹшаютъ (6659) выделяются два уровня причинности, определяющие описанное состояние (небезопасность брода): общее положение о том, что бояре не пользуются достаточным авторитетом, и непосредственно сложившиеся обстоятельства (отсутствие князя), которые сделали актуальным общее положение. Кроме подобных примеров, в которых причинное значение имперфектной формы имеет расплывчатый характер, {-t' } употребляется с зане, т.е. причинным союзом *rag excellence*, регулярно.

То, что мы наблюдаем на всем протяжении Сегмента В, может рассматриваться, таким образом, как экспансия {-t' } на цепочку контекстов. Аугмент употребляется в тех контекстах, в которых этот узус только начал формироваться в ПВЛ – перед местоимениями и фразовыми клитиками во и же. Предположительно в результате обобщения, основанного на характерной для этих частиц семантики – причинности (во) и противопоставления альтернативных возможностей (же) – аугмент начал употребляться в предложениях с этими частицами даже в тех случаях, когда глагол не стоял непосредственно перед частицей. Затем в результате еще одного обобщения {-t' } стал появляться в предложениях, которые находились в той же семантической связи с повествованием, которая была характерна для предложений с во и же: причинной или противопоставления альтернативных реальностей. В то же время аугмент не употребляется, когда имперфектная форма, за которой не следовала энклитика, давала скорее описание событийного фона, нежели раскрытие альтернативных реальностей.

Только что выделенные гипотетические этапы на Сегменте В различить, в действительности, нельзя; на стадии, которую мы можем наблюдать, употребление {-t' } продвинулось уже до конца этой цепочки. При этом узус более или менее единообразен на протяжении всего периода (сегмента). Общая частота аугмента до 1157 г. (34/81xx = 42%) практически совпадает с его частотой после этого года (24/58xx = 41%); в частности, {-t' } вполне часто употребляется в первой части Сегмента В в двух предположительно инновативных контекстах: в предложениях с во (5/6xx) и в предложениях с зане (7/8xx). Таким образом, узус на всем протяжении Сегмента В в основе своей однороден. Поскольку вместе с тем употребление на Сегменте В столь существенно отличается от употребления ПВЛ, представляется вероятным, что оно было стандартизировано и распространено на весь сегмент в конце охватываемого им периода. Можно было бы предположить, что это произошло при редактировании летописи Переяславля Русского, когда она была перенесена на север – около того времени, когда к власти пришел Всеволод. Вполне правдоподобно, что эта редакция принадлежала первому Владимирскому своду (согласно Шахматову, 1185 г.).

Употребление на Сегменте С, который охватывает период после гипотетического первого Владимирского свода 1185 г. (или 1177?) вплоть до начала 1220-х годов, вызывает удивление по совсем иной причине – {-t' } здесь почти не встречается.

Употребление {-t'} в Сегменте С₁₁₈₅₋₁₂₂₂

Контекст	С {-t'}	Без {-t'}	Всего	Пропорция {-t'}
перед во, же	0	10	10	0%
перед возвратным местоимением	3	6	9	33%
перед местоимением-дополнением	4	1	5	80%
в других контекстах	1	34	35	3%
после во	0	6	6	0%
после же	0	0	0	–
после же (относит.)	0	4	4	0%
после зане	0	1	1	0%
в других случаях	1	23	24	4%
Всего (общее)	8	51	59	14%

После того, что мы наблюдали на Сегменте В, общая частота в 14% представляется драматически низкой. Единственный контекст, в котором {-t'} вообще употребляется часто, – это позиция перед местоимениями (выборка невелика), причем, любопытным образом, {-t'} дважды употреблено перед двусложными местоимениями: *уже молваху^ть км^у* (6694); *зв^аху^ть е^ю к соб^ѣ* (6694), как, впрочем, и в более обычном окружении: *понеже вси нмѣ^аху^ть и въ ш^ѣа мѣсто* (6726). Достаточно неожиданно, аугмент не встречается в тех специфических контекстах, в которых он стал регулярно употребляться на Сегменте В. В частности, {-t'} отсутствует во всех десяти случаях, когда имперфект стоит непосредственно перед фразовыми частицами *во* и *же*. Так обстоит дело на протяжении всего сегмента, от 1186 г. (*изнемагаху^т же людье в градѣ везводьемь* (6694), минуя 1207 г. (*ваше бо с^а затвори^лъ в нѣ* (6715); *но жажы ради водныа[•] измираху^т бо мнози людье в градѣ* (6715) и вплоть до самого конца (*чт^аше же паче мѣ^ры іерѣискыи и мнишьскыи чинъ* (6726)). Этот контекст был одним из тех, в которых {-t'} начало употребляться в ПВЛ и появлялось с регулярностью (6/7xx) на Сегменте В. Аналогичным образом, {-t'} больше не встречается в предложениях с *во*, в которых частица не стоит непосредственно за глаголом (0/6xx на Сегменте С против 6/9xx на Сегменте В), ср. следующее предложение, объясняющее, почему войны спешились: *дружин конѣ п^устиша к н^ѣ съсѣдше[•] и кони во ваху^т п^о ними изнемогли* (6694). {-t'} отсутствует и в единственном предложении с *зане*, объясняющем, почему был предпринят поход: *занеже ваху^т не ходилн[•] томь лѣ* (6694). Мы еще вернемся к этому неожиданному оскудению форм с {-t'} при переходе от Сегмента В к Сегменту С после того, как разберем данные оставшихся двух сегментов.

Употребление на Сегменте D₁₂₂₃₋₁₂₃₉ суммировано в Таблице 7.

После низкой частоты {-t'} в Сегменте С восстановление его статуса в данном разделе воспринимается с явным облегчением. Аугмент вновь появляется в положении перед фразовыми клитиками, хотя и не с той последовательностью, как на Сегменте В. Другие контексты (предложения с *во*, в которых глагол не стоит непосредственно перед клитикой) представлены недостаточным числом примеров, чтобы можно было сделать какие-либо выводы, кроме самых предварительных. Тем не менее стоит отметить, что в единственном примере с *зане* {-t'} появляется (*зане в^ашетъ мѣ^мѣсачьк то* (6738)). Как и в предшествующих сегментах, употребление {-t'} с возвратными глаголами в большой степени лексикализировано.

Употребление {-t'} в Сегменте D₁₂₂₃₋₁₂₃₉

Контекст	С {-t'}	Без {-t'}	Всего	Пропорция {-t'}
перед во, же	5	3	8	63%
перед возвратным местоимением	2	4	6	33%
перед местоимением-дополнением	1	1	2	50%
в других контекстах	6	29	35	18%
после во	0	2	2	0%
после же	0	0	0	—
после зане	1	0	1	100%
в других случаях	5	27	32	16%
Всего (общее)	14	37	51	27%

Рубрика "в других контекстах" включает пять предложений с {-t'}. Одно из пяти сообщает о ситуации модального характера. Ярослав оуѣмѣсѧ брата своѣго Юргѧ слѣшаѧ нѣкѣхъ лѣсти (6737) и по этой причине и мѣслашеть противитисѧ Юргю братѣу своѣмѣу. К счастью, это намерение не осуществилось, так как Бѣ не попусти лихѣ бѣти, и в результате этого вси нѣмѣ кѣо шѣмѣ собѣ и нѣмѣ цѣловаша кѣтѣ. Этот пассаж может быть сопоставлен со схожим на первый взгляд контекстом: си .г. є приходѣша с мѣтрополитомѣ просѧ мира Мѣханлѣ сѧ Іарославомѣ бѣ во Мѣханлѣ не правѣ вѣ кѣтѣмѣ целованѣмѣ при Іарославѣмѣ и хотѣше Іарославѣ ити на Мѣханла. Бѣ же не попусти тако томѣу бѣ [...] полѣсѣша оубо Іарославѣ брата своѣго [...] и взѧ мирѣ [...] и здѣ испол[и]сѧ писанѣкѣ пѣнѣка [...] (6738). В первом случае имперфект мѣслашеть обозначает ситуацию, которая в рамках разворачивающегося повествования остается неоднозначной. Последний же отрывок сосредоточен не на разворачивающемся повествовании, а на том, как рассказанный эпизод характеризует митрополита Кирилла. Предложение с имперфектом сообщает, в качестве ретроспективного отступления, как поступок Михаила привел митрополита Кирилла к князю Юрию. Таким образом, в этой очевидно достаточно тонкой оппозиции дискурсивных установок имперфект с {-t'} указывает на возможность предстоящей перемены (и мѣслашеть противитисѧ Юргю), тогда как отсутствие {-t'} предполагает стабильность (и хотѣше Іарославѣ ити).

Все четыре остающихся примера {-t'} в рубрике других контекстов в Сегменте D связаны с синтаксической конструкцией, в которой параллельные глагольные формы противопоставляют обстоятельства или поступки, относящиеся к различным лицам. Первые два примера таковы: но шѣтѣ сѣчахѣ а нѣмѣ мноѣство пѣщахѣ шпѣтѣ в своѣа си (6734); и мнози мѣнахѣ мѣцѣ идѣще чресѣ нѣбо зане бѣшеть мѣмѣсѧчѣкѣ то а дрѣзѣни мѣнахѣтѣ сѣнѣце идѣще вѣспѣ (6738). Параллельные имперфектные формы, только одна из которых должна быть отмечена аугментом, противопоставляют различные реальности, приданные различным индивидам. Последние два примера с {-t'}, появляющиеся в уже обсуждавшейся переработке отрывка из Амартола, также противопоставляют индивидов и их реальности (нѣхѣ ємѣше шѣтѣ раѣстѣнахѣтѣ дрѣгѣмѣ же стрѣлами раѣстрѣлахѣ в на а нѣи шпѣкѣтѣ рѣцѣ свѣзѣывахѣтѣ (6745)). Связь же с альтернативными ситуациями вполне отчетливо проявлялась уже в Сегменте В, ср.: полѣи же Гѣргѣви идѣхѣтѣ по лѣгѣу а Изѣславѣ идѣше по шѣноѣи сторѣнѣ Днѣпра по горѣ (6659).

Употребление {-t'} в Сегменте E₁₂₆₂₋₁₃₀₅

Контекст	С {-t'}	Без {-t'}	Всего	Пропорция {-t'}
перед <i>во</i> , <i>же</i>	1	1	2	50%
перед возвратным местоимением	1	1	2	50%
перед местоимением-дополнением	1	0	1	100%
в других контекстах	7	6	13	54%
после <i>во</i>	0	0	0	–
после <i>же</i>	0	2	2	00%
после <i>зане</i>	1	0	1	100%
в других случаях	6	4	10	60%
Всего (общее)	10	8	18	56%

В последнем сегменте {-t'} употребляется более чем в половине всех случаев.

Хотя число примеров слишком незначительно для каких-либо твердых выводов, примеры в рубрике "в других контекстах" в статьях 1262 и 1263 гг. создают впечатление определенной последовательности. Можно указать, например, на минимальную пару в статье 1262 г. Два следующих предложения, оба с {-t'}, описывают причину и следствие: *ѡкупѣхуть ѡ ти оканьни бесѣрмене даннѣ и ѡ того великѣ пагѣвѣ людемѣ творѣхуть* (6770). Ср. сходное на первый взгляд предложение без {-t'}: *ѡѣ ѡ тогда титѣ приѣхалѣ ѡ црѣ Татарского ѡ именѣ Кѣтлѣвини золѣ сын бесѣрменинѣ ѡ того поспѣхѣ ѡ каньни лишенѣкѣ ѡ творѣше хрѣанѣ великѣ досадѣ* (6770). В этом предложении, однако, имперфект (без {-t'}) описывает свойство лица, подобно относительному придаточному. Оппозиция между наличием и отсутствием {-t'} вновь примыкает к противопоставлению модальности (*ѡкупѣхуть*, *творѣхуть*) и простого описания (*творѣше*).

Более пространную иллюстрацию этого соотношения можно видеть в истории о том, как Борис и Глеб явились простому верующему. Без деталей рассказ выглядит следующим образом: *и живаше₁ посредѣ родѣ свогѣ поганѣ сѣща. [...] живаше₂ бѣѣгодно [...] стоѣщу же кмѣ при краи морѣ стрѣжаше₃ ѡвою пѣти. [...] и видѣ₄ насадѣ кдинѣ гревѣщѣ. посредѣ насада стоѣща мѣнкѣ Борисѣ и Глѣба. [...] гревѣщѣ же сѣдѣху₅ аки мглою ѡдѣни. и рѣ₆ Борисѣ братѣ Глѣбѣ. повели₇ грести да поможѣ₈ сродникѣ свогмѣ ѡлександрѣ. видѣв же таковое видѣнѣ [...] стоѣше₉ трепетенѣ. дондеже насадѣ [пропущен глагол]₁₀ ѡчю кѣ* (6771). Имперфекты без {-t'} (## 1, 2, 5) описывают здесь фоновые состояния – как общие, так и специфические. Вместе с тем два предиката с {-t'} (## 3, 9) сообщают о деятельности, которая может измениться по ходу повествования; они обнаруживают модальный оттенок – безусловности, податливости, зависимости от обстоятельств (сейчас σ_i , но ожидай изменения в $\neg \sigma_i$).

Наблюдаемое здесь употребление {-t'} для обозначения модализированных (зависимых, безусловных) событий не представляет собой драматического изменения в значении имперфекта. На всем протяжении Лавр. формы имперфекта, которые, вообще говоря, всегда описывают действия или состояния, не ограниченные временными рамками (как аорист) или результатом (как л-форма), выполняют ряд вполне определенных, отличных друг от друга функций, а именно обозначают (а) общие истины, (б) фоновые состояния, относящиеся к данному событию, (с) продолжающуюся деятельность, (д) многократные действия (единственный случай, когда имперфект образуется от приставочных телических глаголов) и, окказионально, (е) фиксируют

наличие состояния или действия в противоположность их отсутствию²⁶. Употребление {-t'} привносит дифференциацию значений: среди множества имперфектов, которые описывают фоновые ситуации, {-t'} отмечает те ситуации, которые имеют зависимый характер, могут меняться по ходу повествования или влиять на его развертывание. Это особое употребление {-t'} может рассматриваться как распространение того значения, при котором в предшествующих сегментах {-t'} отмечает глаголы в предложениях, характеризующихся модальностью. Например, предложение *дружи́на же Всеволо́жа хотаху́тъ крѣ́пко ѿхати на Гѣ́тослава* (6689) описывает неоднозначную, только лишь ожидаемую ситуацию, которая затем не осуществилась: *Всеволо́дъ бѣгосердѣ́ сты• не хота́ крове проли́ати не ѿха́ на нь*.

В описанном выше исследовании мы проследили историю аугмента {-t'}, присоединяемого к имперфекту. Прослеженная в настоящей статье линия развития представляет собой системную историю {-t'}. Нельзя быть уверенным, конечно, что развитие, которое мы наблюдали в Лавр. – только лишь одним памятником, – представляет с необходимостью тот путь, которому следовал восточнославянский в целом. Тем не менее мы знаем теперь, чего можно ожидать, и с этими ожиданиями можем обратиться к данным других текстов. История {-t'} ставит и некоторые более общие проблемы.

В принципе можно было бы ожидать, что история такого незначительного элемента, как {-t'}, не может быть подвергнута анализу. И в действительности, существуют пределы возможностей реконструкции (и пределы ее достоверности) такого рода грамматических единиц, однако один вывод из проведенного исследования можно сделать с уверенностью. Распределение {-t'} по контекстам для различных сегментов текста может быть установлено весьма точно. То обстоятельство, что употребление {-t'} в Сегменте С сокращается столь радикальным образом, означает, что употребление {-t'} нельзя считать полностью обусловленным поздней писцовой практикой. Если бы дело обстояло таким образом, дистрибуция была бы более однородной в разных сегментах текста. Изменчивость линии развития означает, что дистрибуция {-t'} должна была быть достаточно фиксированной всякий раз, когда редактировались отдельные сегменты летописи, – возможно, при составлении основных сводов.

Далее, сторонник взгляда, согласно которому «естественность» и «системность» присущи исключительно живому языку, тогда как в книжном языке любые изменения, если только они не являются полностью искусственными, носят «вторичный» характер²⁷, мог бы возразить, что здесь просто нечего исследовать, поскольку имперфект с раннего времени становится чисто книжной категорией [Иванов 1982: 84]. Оказывается, однако, что это явление искусственного письменного языка эволюционирует тем же самым образом, что и грамматические характеристики языка устного: по большей части постепенно, в одних контекстах в большей степени, чем в других. Некоторое различие состоит в том, что изменение здесь отражается скачкообразно, так что не является в строгом смысле линейным²⁸. Употребление Сегмента В драматически отличается от узуса ПВЛ по статистическим параметрам (хотя источники контекстов, в которых в Сегменте В появляется {-t'}, выделяются в зачаточном виде уже в ПВЛ), а Сегмент С полностью, по видимости, сводит на нет инновации Сегмента В, однако оказывается, что Сегмент D (и еще в большей степени сегмент E) наверстывает упущенное. Весьма вероятно, что Сегмент С возник на северо-востоке в относительно новой писцовой традиции. Особенности употребления этого сегмента – следует напомнить, что на большом отрезке Сегмента В, с 1111 по 1185 (1177?) г.,

²⁶ П.В. Петрухин обсуждает употребление имперфекта для выражения значения, аналогичного «общекатегорическому значению» современной аспектиологии [Петрухин 1996]. Если ставить проблему шире, исследование Петрухина показывает, что, хотя в определенном смысле все имперфекты сообщают фоновую информацию, имеются тонкие различия в том, как они выполняют эту функцию.

²⁷ Согласно тому, как описывает это предубеждение В.М. Живов [Живов 1996: 36].

²⁸ Сходный пример нелинейного изменения см.: [Живов 1993].

узус оказывается последовательным и однородным – наводят на мысль, что редакторское вмешательство было более интенсивным в новых частях текста, находившихся в процессе составления, нежели в старых, унаследованных частях, которые могли воспроизводиться более слепо. Размеры части, подвергавшейся переработке, могли быть, очевидно, различными. Таким образом, изменение в письменном языке может быть несколько более прерывистым, чем в языке устном, однако оно все равно представляет собой органический процесс, внутренне последовательный и – при более отстраненном взгляде – постепенный.

В системном плане была предложена схема развития $\{-t'\}$ в 3 лице имперфекта, у которой в качестве исходного состояния выделялся один четко определенный контекст – позиция имперфекта непосредственно перед энклитическим местоимением и (и аналогичными местоимениями $\{a, \text{ю}, \text{а}\}$ также, возможно, $\text{вин.-род. } \text{нхъ}\}$). Отсюда $\{-t'\}$ распространяется на положение перед другими местоимениями, включая возвратное. Другая линия развития, основанная на том, что глагол со своими местоименными энклитиками часто стоит в начале предложения, ведет к обобщению $\{-t'\}$ в позиции перед другими энклитиками, которые помещаются после начального глагола, а именно перед энклитическими частицами бо и же . Таким образом модель $\{\#V = \{t'\} = e\}$, $e \in \{и, a, \text{ю}, \text{нхъ}\}$ мотивирует модель $\{\#V = \{t'\} = e\}$, $e \in \{\text{бо}, \text{же}\}$. Сверх того, $\{-t'\}$ употребляется в предложениях, содержащих частицы бо и же даже в тех случаях, когда глагол не стоит непосредственно перед частицей, если только предложение имеет модальный характер: модель $\{\#V = \{t'\} = e\}$, $e \in \{\text{бо}, \text{же}\}_{\text{модальные}}$ мотивирует модель $\{\#X = e \text{ } V = \{t'\}\}$, $e \in \{\text{бо}, \text{же}\}_{\text{модальные}}$. Модальный характер может заключаться либо в причинности (идущей от основного значения бо) – это употребление становится регулярным в Сегменте В, распространяясь на предложения с зане – либо в противопоставлении альтернативных реальностей, относящихся к разным лицам или обстоятельствам (идет от одной из функций же). Аугмент может употребляться в предложениях, характеризующихся причинностью или противопоставлением реальностей даже в тех случаях, когда соответствующие частицы отсутствуют. Наконец, с середины XIII в. $\{-t'\}$ может, как кажется, употребляться вполне свободно, преимущественно, однако, в предложениях, обнаруживающих элемент нарративной условности (зависимости) в противоположность чистому описанию.

Рассматривая данное изменение как системную эволюцию, следует отметить, что оно прогрессирует от одного контекста к другому. Каждый последующий этап, очевидно, требует предыдущего, хотя Сегмент В отстоит от ПВЛ столь далеко, что нет возможности вычленить последовательность этапов. Достаточно рано распределение $\{-t'\}$ приобретает семантическую окраску, что соответствует общему принципу, согласно которому формальные различия часто получают семиотическую нагрузку. В процессе изменения одна часть употреблений морфемы всегда будет относительно стабильной, тогда как другая более подвижной и в силу этого входящей во взаимодействие с нарративными стратегиями.

По мере того как $\{-t'\}$ меняется и приобретает новые функции в результате переосмысления предшествующего узуса, старые дистрибутивные особенности полностью не утрачиваются. Так, местоимения обусловили распространение $\{-t'\}$ на контексты с другими энклитиками. Однако даже когда изменение пошло дальше – например, когда $\{-t'\}$ стало обозначать причинность в результате переосмысления функций аугмента перед клитикой бо , – $\{-t'\}$ продолжает употребляться с местоимениями. Только на последнем этапе распространения $\{-t'\}$ (в Сегменте Е) в его распределении утрачивается, как кажется, память о местоимениях как о первоначальном источнике этого процесса. Весьма рано контекст возвратных глаголов оказывается стоящим особняком и вступает в связь с лексической семантикой глагола. Совершенно очевидно, что каждый из контекстов употребления $\{-t'\}$ (вне зависимости от того, считать ли эту

единицы самостоятельной морфемой или частью квази-независимых морфем {-še ~ šet'}) and {-xu ~ xut'}) живет в определенной мере своей жизнью.

На самом общем уровне наше рассмотрение подводит к выводу, что изменение проходит поэтапно, причем инновации предшествующего этапа оказываются отправным моментом для инноваций следующей стадии процесса. Ни в какой отдельно взятый момент времени не видно при этом необходимости в едином синхронном глобальном правиле, регулирующем, как законченный алгоритм, все употребления данной единицы. История имперфектного аугмента показывает, что синхрония прекрасно сочетается с археологически накопленными слоями диахронии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1965 – Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Гиппиус А.А. 1997 – К истории сложения текста новгородской первой летописи. // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997.
- Зализняк А.А. 1986 – Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // В.Л. Янин. А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 годов). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.
- Зализняк А.А. 1995 – Древне-новгородский диалект. М., 1995.
- Заричный Н.С. 1961 – Формы и функции возвратных глаголов. Киев., 1961.
- Живов В.М. 1993 – Унификация склонения существительных в косвенных падежах мн. числа в памятниках XVII века: характер вариативности и обуславливающие ее факторы // Сборник статей памяти Г.А. Хаббургаева. М., 1993.
- Живов В.М. 1996 – Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Иванов В.В. 1982 – История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
- Иванов В.В. 1995 – Древнерусская грамматика XII–XIII вв. / Под ред. В.В. Иванова. М., 1995.
- Истрин В.М. 1920 – Книги временные и образные мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. 1: Текст. Петроград, 1920.
- Насонов А.Н. 1969 – История русского летописания. XI – начало XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.
- Некрасов Н.П. 1897 – Заметки о языке «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку летописи. СПб., 1897.
- Новг. К. – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Л., 1950.
- Петрухин П.В. 1996 – Нарративная стратегия и употребление глагольных времен в русской летописи XVII века // ВЯ. 1996. № 4.
- Приселков М.Д. 1940 – История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940.
- ПСРЛ 1 – Полное собрание русских летописей. 1: Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1962.
- ПСРЛ 2.1 – Полное собрание русских летописей. 2.1: Ипатьевская летопись. М., 1923.
- ПСРЛ 38 – Полное собрание русских летописей. 38. Радзивилловская летопись / Под ред. Б.А. Рыбакова. Л., 1989.
- ПСРЛ 1846 – Полное собрание русских летописей. 1–2: Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846.
- Соболевский А.И. 1907/1962 – Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. Петербург, 1907. [= Slavistische Drukken en Herdrukken, 37. Photomechanic Reprint. The Hague. 1962].
- Успенский Б.А. 1987 – История русского литературного языка (XI–XVII вв.). München, 1987.
- Черных П.Я. 1962 – Историческая грамматика русского языка. Изд. 3-е. М., 1962.
- Шахматов А.А. 1902 – Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи // Радзивилловская или Кенигсбергская летопись, 2: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. Комитет Имп. Общества Любителей Древней Письменности. Вып. 118. СПб.
- Шахматов А.А. 1903 – Исследование о двинских грамотах XV в. / Исследования по русскому языку. Т. II. Вып. 3. СПб., 1903.
- Шахматов А.А. 1916 – Повесть временных лет. 1. Вводная часть. Текст. Примечания. Петроград, 1916.
- Шахматов А.А. 1938 – Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М., 1938.
- Andersen H. 1986 – Sandhi phenomena in the languages of Europe. Berlin, 1986.
- Anderson S.R. 1993 – Wackernagel's revenge: Clitics, Morphology, and the syntax of second position // Language. V. 69. № 1. 1993.
- Bartholomae Chr. 1886 – Arische Forschungen, Bd 2. Halle, 1886.
- Klenin E. 1983 – Animacy in Russian. A new interpretation. Columbus (Ohio), 1983.
- Kurath H., McDavid R.I. 1961 – The pronunciation of English in the Atlantic States. Based upon the collections of the Linguistic Atlas of the Eastern United States. Ann Arbor (Michigan). 1961.
- Timberlake A. 1998 – Linguistic layering in the "Lavrentian Chronicle". (The imperfect consonantal augment) // American contributions to the twelfth international congress of Slavists. Columbus (Ohio) (в печати).
- Vaillant A. 1966 – Grammaire comparée des langues slaves. V. 3: Le verbe. Paris., 1966.
- Wackernagel J. 1892 – Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF. V. 1. 1892.